

Дата

Интонация — искренность

Сегодня день памяти Александра Павлова — журналиста «ММ», нашего товарища, поэта российской величины

Казалось, величина его поэтического дара никак не вяжется с обликом добродушного тружани, бытом провинциального города и редакционными буднями, а большой лирический талант — с дворовым детством и производственным опытом прокатчика. Но это только на первый взгляд.

Как все ровесники, пережившие со старшими ужас большой войны с её потерями, полугодным существованием и ожиданием вестей с фронта, он вырос с гордостью за отцов и ощущением наследования огромной непобедимой страны. В литературное творчество погрузился подростком, уже знающим цену труду и дружбе, жадно постигающим мир. Повезло и с поэтическими компасами, на которые богата Магнитка, — Борис Ручьёв, Людмила Татьяничева, Николай Воронов.

Но только ли это сформировало поэта? — почему среди ровесников искра божия вложена именно в его душу? Так и осталась неразгаданной эта загадка. Но живут в памяти его искренние интонация и искренность речи — даже обыденной.

Вместе с «металльцами» об Александре Павлове вспоминают близкие по духу и творчеству люди.

Татьяна Павлова, дочь поэта: Если честно, мы с братом не любим публичные мероприятия в папину честь — мы и так много делили его с общественностью.

Понимаем, что он сделал для города, литературного мира. И пусть для всех он известный и талантливый, но для нас он прежде всего папа — любящий, дорогой и ранимый человек.

Папа был очень тёплым и мягким. Не припоминаю, чтобы он ругал нас с братом, и уж тем более никогда не поднимал на нас руку.

Думаю, многие знают: он очень хорошо рисовал. К семейным торжествам вместе с ним делали стенгазеты, мастерили какие-нибудь безделушки — он очень много времени проводил с нами за подобными занятиями. А если требовалась помощь в учёбе — обращались только к нему.

Я всегда чувствовала, что любима им. У меня с ним была и осталась удивительная душевная связь. Если мне было плохо, папа обязательно звонил или приходил, даже не спрашивая, что случилось — словно чувствовал, что нужен. Просто был рядом. Мама рассказывала: когда я родила дочь — это было ночью, никто из близких не знал — папа проснулся и стал молиться. «Саш, что случилось?» — «Кажется, Танюшка рождает...»

Помню, мне было лет шестнадцать, собрались первый раз с друзьями с ночёвкой в лес. Накануне мама долго читала нотации: как всё это рискованно, как должна вести себя девочка с мальчиками, и отправила отпрашиваться к отцу. Папа сказал несколько слов, которые на всю жизнь осели в памяти лучше любого урока: «Доча, я знаю: ты умница. Но если в твоей жизни произойдёт что-то непредвиденное или необдуманное — помни, мы поддержим тебя, что бы ни случилось». После таких слов в моей жизни просто не могло быть никаких «таких» ситуаций.

Папа никогда никого не осуждал и не давал оценки. Даже когда его предавали или делали больно, просто принимал это, не отвечал злобой. Он избегал пропить, был бескорыстный, неприхотливый и простой в обычной жизни. Был душевно сильным человеком, но в быту, как все творческие люди, очень беззащитным, и с этим семье было тяжело жить.

Он предчувствовал смерть за год или полтора, но, конечно, не говорил об этом. И всё же у нас с братом были опасения: он стал чаще обычного звонить нам и внукам, обязательно говорил, что любит нас, извинялся за что-нибудь, говорил, что очень скучает по маме — она была его музой. Как он сам сказал, после её смерти не написал ни одного стихотворения.

Я так и не научилась вспоминать папу без слёз. Но не хочу говорить о нём в прошедшем времени: знаю, он рядом, чувствую его плечо и поддержку всегда. И сейчас.

Маргарита Шевченко, сотрудник сектора литературного краеведения библиотеки имени Михаила Люгарина: Помню, Александру Борисовичу очень нравились казачьи песни.

Как-то после библиотечной творческой встречи, посвящённой культуре станицы Магнитной и находкам фольклористов Андрея Серова и Галины Гончаровой, он без пафоса, очень искренне обмолвился: «А ведь эти драгоценные крупицы казачьей культуры могли быть утеряны навсегда».

Запомнились мне в нём простота, доброжелательность, отзывчивость. В течение многих лет он поддерживал в работе нашу библиотеку, был бесценным консультантом по вопросам литературного движения в городе в разные периоды, неизменным участником литературных, писательских встреч в библио-теке.

И ещё: он умел психологически поддержать собратьев по перу. Об этом с чувством

благодарности к Саше не раз рассказывал другой магнитогорский поэт, тоже уже покойный, Юрий Ильясов. А ещё он вспоминал, что благодаря деятельности и личным качествам Павлова осуществлялось взаимодействие городских отделений двух писательских союзов. Он никогда не претендовал на роль лидера, но фактически был им.

Наталья Карпичева, член Союза российских писателей, доцент кафедры литературы XX века Магнитогорского государственного университета: Книгу Александра Павлова «Город и поэт» без преувеличения можно назвать городской летописью. В ней жива «колыбельная память», ощутима связь с началом Магнитки, её мощным «железным корнем». В ней отчетливо слышен каждый шаг, легко ли касаются земли мальчишеские босые ноги или твердой уверенной поступью с долгим эхом ступают по городу-камню сапоги зрелого сидящего мужчины. От имени исторической памяти поэт Александр Павлов провозглашает: «Я в каждом / ростками проклонусь / и выйду на край тишины. / Морщины — как выстрелы в юность, / седины — как залпы войны».

В павловском поэтическом пространстве лирический герой не выходит на передний план, но его глазами показаны живые, узнаваемые, с реалистической тщательностью и психологической точностью выписанные характеры. На пилорамах можно встретить воплощение Мадонны: «На перекуре ахнет пилорама: / ведь надо же, синица, родила / бутуза на четыре килограмма! / А вся бригада струдится вокруг / и станет смиренной, словно так и надо, / под первородной чистотой взгляда, / под теплотой материнских рук».

Поэзия будничного не оставлена Павловым в пределах четырёх стен, стремление быть наедине с самим собой, отгородиться, захлопнуться вообще не характерно для его лирического героя. Александра Павлова отличает способность видеть и чувствовать родину в каждом уголке, приоткрывшем жизнь. Родной для него может быть и баня, и дружный веселый цех, и тесный, но тёплый, уютный барак: «Не потому ли, снегом припорошен, / Вхожу в подъезд, и чуетесь сильнее! / Призывный запах жареной картошки! — Нехитрый запах родины моей». Естественная природа и промышленный пейзаж в павловских поэтических текстах не противопоставлены, а слиты в создающей мощи и жизнеутверждении, одинаково питают человека.

Город и поэт в книге равны, как два главных проспекта, связанных сетью множества питающих переулков-артерий. Город жив, он выбирает поэта, он являет его «на улочке, оглохшей от завода», становится его историей, самой судьбой: «Нас воспитали время да железо. / И, если бы не пламень голубой, / куда уж мне тобольским косторезом! — я даже бы не стал самим собой!»

Александр Павлов

ФОТО ИЗ АРХИВА «ММ»

«Не думая о почестях и славе...»

Говорят: беда одна
не ходит...

Нынче вновь явилась не одна.
По уши влюбился, при народе
лоб разбил, виной тому —

она.
Простудился.
Встала вся работа.

Слёз в постель, и навалилась
лень.
Кот-мерзавец исцарапал

фото
и пропал, и нету третий
день.

Волком взвять и зареветь
медведем.
Но в заветных ямочках

у рта,
словно предсказанье
о победе,

ты пришла и принесла коту.
Лоб зажил, отхлынула
простуда,

ты пришла уже не холодна...
И поверил я в иное чудо:
радость тоже ходит

не одна.

Живым — живое!

Отойди-ка, брат...
Зачем стонать, своей
любясь ролью?

Ты и лицом-то вроде
розоват,
А все туда же — потрясаешь
болью.

Придуманными бедами
томим,
Ты ешь омлет размашисто
и плотно,

А в голове облезлый херувим
Ворочает зловецкие полотна,

Где все метанья мутные
твои
Показаны с такою страшной
силой,

Что кажется — рыдают
соловьи
Над ранней и ухоженной
могилой.

Живым — живое!
В сторону, с пути!
В твоём надломе сыро,
как в канаве.

А если так, то уж позвол
пройти,
Не думая о почестях
и славе.

Напоминающий изгоя,
из этой жуткой колготы
я все же вышел, как из боя,
и предо мной явилась ты.

Вся в бликах солнечных,
в туманах,
в смородинках лукавых глаз.
В смешных и крохотных
обманах

ты тёплой радугой
зажглась.

Нет, ничего я не напутал.
Все было правильно, когда
в твоих небесных,
слабых путях

я просмотрел свои года.

Пусть проживёшь ты лет
сто пятьдесят

Во упокой, во здравие и силу.
Пусть проживёшь ты ловко
и красиво,
Мол, не спеши — и чёрт тебе
не брат.

Пусть проживёшь ты лет
сто пятьдесят,
В углу зарывшись праведно
и сносно...

Вот так дожди гнилые
моросят
В шоле золотом и сенокосном.

Пусть проживёшь ты лет
сто пятьдесят...
Куда уж нам с твоим кривым
арином.

С дремучей долготетия
вершины
На кости наши не бросал бы
взгляд.

Я видел, видел: занималось
утро
И сытый луг поддерживал
коней.

И ты плыла, как подсадная
утка,
По удивлённой улице моей.

И комом горьким закатилось
горло,
Когда совсем уж ветреной
под стать

Ты вдоль плетня навязчиво
и гордо
Несла свою нетронутую
стать.

Нет у тебя ни друга,
ни подруги.

Но почему, в отчаянье
страшна,
Ты слишком долго снилась
всей округе?

А и всего-то — женщина
прошла.

Не удивляйся, друг сердечный —
устал, какая к чёрту грусть.
Я весь какой-то поперечный
и сам в себе не разберусь.

Ночей свирепа канонада,
в кошмарах света не видеть.
Да и тебе-то больно надо?
Себя не в силах расхлебать,

каноны общице нарушу,
сверну, оно пока честней...
Не заложить ли чёрту душу —
пускай помыкается с ней?

Живу то волком, то медведем
среди словесной шелухи...
Но, словно вести о победе:
— Подходят к нынешней
беседе

твои вчерашние стихи.
Стихи у жизни — та же
сводня
во мгле тумана и добра.

Ты думаешь, живёшь
в сегодня?
Нет, ты покуда — во вчера.
Я знаю: скажешь послезавтра,
читая мой вчерашний стих,
мой день беспечный

не простив,
переварив отменный завтрак:
— Ведь надо ж, голова такая —
а вот досталась дураку...
И предпоследнюю строку
сегодня не простишь.
Я знаю.

Нет в поэзии безвременья,
Просто каждый — в свой
черёд.
Исключение — для гения,
Что над временем встаёт.

Каждый нужен, будто
звёнышко
В нескончаемой цепи.
Каждый важен, словно
зёрнышко

Поля хлебного в степи.
Невозвратны, как мгновения,
Все мы — волны у реки...
Нет в поэзии безвременья,
Рядом с ней — временички.

